НАЧАЛО

ЕЖЕДНЕВНАЯ (кромѣ понедѣльниковъ) ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

LE DÉBUT = NATCHALO

Quotidien Russe de Paris

ФРАНЦІЯ — 5 c. ЗАГРАНИЦА — 10 c.

Адресъ для писемъ и денежной корреспонденціи:
M. Mecheriakoff, Journal „Le Début“,
Avenue d'Orléans, Bureau de Poste, Case N° 1, Paris

Пріемъ по дѣламъ редакціи и администраціи, ежедневно, кромѣ воскресеній, отъ 10 до 12 ч. дня, 11, Av. d'Orléans

Подписная цѣна:

ПАРИЖЪ:	ДЕПАРТАМЕНТЫ:	ЗАГРАНИЦА:
На 1 мѣс.— 1.50	На 1 мѣс.— 1.75	На 1 мѣс.— 2.50
» 3 » — 4.—	» 3 » — 4.50	» 3 » — 7.—
» 6 » — 7.50	» 6 » — 8.—	» 6 » —13.—
» годъ —14.—	» годъ —16 —	» годъ —23.—

Цѣна объявленій:
Впереди текста—1 фр. 50 с. Позади текста—1 фр. за строчку коннпреля
Prix des Annonces:
La ligne de 50 lettres avant le texte 1 fr. 50 c. Après le texte—1 fr.

№ 5 Четвергъ 5 Октября 1-й годъ изданія — 1re Année Jeudi 5 Octobre 1916 Г.

„НЕДОРАЗУМѢНІЕ“

Недѣлю тому назадъ. г, Пьеръ Ренодель, торжественно предъявляя политическимъ противникамъ единство соціалистической партіи, выразившееся въ солидарномъ голосованіи за кредиты всѣхъ депутатовъ, кромѣ трехъ кинтальцевъ, счелъ полезнымъ, очевидно въ цѣляхъ скрѣпленія этого единства, высказаться о „цѣляхъ войны“. Въ статьѣ, написанной въ тонѣ манифеста, заключалась фраза, которая могла быть истолкована, какъ угроза — на сей разъ по адресу правительства республики. „Если правительство Франціи — такъ писалъ руководитель L'Humanité — забывъ точку отправленія этой войны національной обороны, опьяненное побѣдой, ради достиженія которой мы даемъ нашу неограниченную поддержку, злоупотребитъ ею для рѣшеній, которыя намъ, соціалистамъ, покажутся враждебнымъ длительному и организованному миру, — да, мы тогда откажемся „сужать“ (prêter) наше содѣйствіе и нашихъ людей для такихъ плановъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ренодель строго потребовалъ отъ Le Temps, руководящаго органа республики, высказаться, наконецъ, со всей опредѣленностью, что именно [illegible] понимаетъ подъ „длительнымъ“ миромъ: территоріальныя аннексіи и расчлененіе Германіи или же международственную правовую организацію (третейскіе суды и пр.). Незачѣмъ говорить, что Temps внимало не испугался грозной статьи и, отведя логовько въ сторону предъявленный въ упоръ вопросъ, потребовалъ отъ соціалистическаго офиціоза немедленныхъ разъясненій насчетъ того, въ какомъ смыслѣ партія г. Реноделя собирается, при указанныхъ выше условіяхъ, отказать республикѣ въ „своихъ людяхъ“. Въ полемику вступилась немедленно вся „руководящая“ пресса“: академикъ Капюсъ въ Figaro, почти-академикъ Бавье въ Echo de Paris, Моррасъ въ Action Française, сенаторъ Деній въ Libre Parole, какъ и радикалы изъ Rappel и Radical — всѣ потребовали отъ г. Реноделя прямого отвѣта на прямой вопросъ. „Не думаете ли вы, — напирали вопрошавшіе, — призывать солдатъ-соціалистовъ („вашихъ людей“) къ военной забастовкѣ въ случаѣ, если разойдетесь съ Франціей въ вопросѣ о цѣляхъ войны“? Этотъ непредвиденный оборотъ полемики заставлъ, повидимому, г. Реноделя врасплохъ. Онъ попробовалъ промолчать, сославшись, но уже безъ прежней увѣренности тона, на то, что Temps такъ-таки и не разъяснилъ, какъ надо понимать „длительный миръ“. Спокойно переступавъ черезъ напоминаніе, ... холодно отвѣтилъ, что г. Ренодель отказывается объяснить, какими путями онъ собирается лишать воюющую Францію содѣйствія „своихъ людей“. Слова Temps немедленно же нашли энергичное эхо всей остальной „рукодящей“ прессы. Г. Ренодель увидѣлъ себя вынужденнымъ объясняться. Онъ началъ съ извиненія: „Я сдѣлалъ ошибку, не разсѣявъ недоразумѣнія немедленно же“. Все дѣло именно въ *недоразумѣніи*. „Разумѣется, никому не можетъ придти въ голову мысль ангажировать совѣсть хотя бы одного только француза, который сражается въ настоящее время...“ Въ чемъ же состоялъ смыслъ угрозы? Совершенно ясно: „Дѣло шло о нашемъ *непосредственномъ* содѣйствіи правительству и объ участіи въ немъ“. Соціалистическая партія послала въ составъ правительства національной обороны трехъ своихъ делегатовъ и взяла на себя полноту отвѣтственности за политику министерства; въ случаѣ, если правительственныя „цѣли войны“ окажутся въ радикальномъ противорѣчіи съ цѣлями соціалистической партіи, эта послѣдняя сохраняетъ за собой „право“ отозвать „своихъ людей“: гг. Гэда, Самба и Тома. Только и всего? отвѣтила руководящая пресса во главѣ съ Temps. Такъ и нужно было говорить сразу. „На худой конецъ обойдемся какъ нибудь безъ соціалистическихъ министровъ и даже безъ поддержки г. Реноделя“, писала Libre Parole. Но „недоразумѣніе“ оказалось во всякомъ случаѣ разъясненнымъ, — будемъ надѣяться, что къ полному удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

I.

Мѣсяцъ-полтора тому назадъ появилось и напечатано везадѣ въ русскихъ газетахъ распоряженіе начальника минскаго военнаго округа о призывѣ всего „свободнаго“ земледѣльческаго населенія обоего пола, начиная съ 15 л., на обязательныя работы на земляхъ помѣщиковъ, съ предупрежденіемъ, что всякое уклоненіе отъ этихъ работъ, между прочимъ и „подъ предлогомъ поступленія на какія-нибудь другія работы или должности“ будетъ караться соотвѣтственными административными мѣрами. (Этимъ же постановленіемъ крестьянамъ давалось время на уборку съ полей собственнаго хлѣба). Довольно скоро все это было отмѣнено командующимъ арміями западнаго фронта.

Но, одновременно, подобная же мѣра — принудительный наемъ рабочихъ — была введена въ дѣйствіе въ другой области и съ другою цѣлью: появился актъ о призывѣ на военныя работы тылового характера мужского населенія цѣлаго ряда азіатскихъ окраинъ, въ томъ числѣ Закавказья и Туркестана.

Работы эти объявлены обязательными и многія тысячи мужчинъ этихъ областей въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ подлежали переселенію къ фронту для производства разныхъ тяжелыхъ работъ.

Въ Закавказьѣ до настоящей войны призыву къ отбыванію воинской повинности на общемъ основаніи подлежала лишь часть туземнаго населенія — главнымъ образомъ — грузины и армяне, и отчасти татары — при чемъ до 1905 г. они отбывали службу въ расположенныхъ на Кавказѣ же (и лишь отчасти въ южной Россіи) частяхъ войскъ. Послѣ же событій 1905-1906 г. въ мѣстныхъ войскахъ, оттуда были удалены, по возможности, всѣ новобранцы-туземцы и направлены въ стоящія на югѣ воинскія части. Кромѣ того, нѣкоторыя кавказскія народности имѣли право отбывать службу въ собственныхъ милиціонныхъ частяхъ (Дагестанскій конный полкъ, Осетинскій конный дивизіонъ), формируемыхъ на тѣхъ же приблизительно основаніяхъ, какъ казачьи. Какъ въ японскую кампанію, такъ особенно въ нынѣшнюю, изъ мусульманскаго населенія горныхъ областей Кавказа (черкесскихъ и татарскихъ племенъ) сформированы многочисленныя иррегулярныя — конныя и пѣшія — части. Кромѣ того, съ начала войны съ Турціей — образованъ рядъ добровольческихъ армянскихъ и грузинскихъ дружинъ.

Что касается Туркестана, то до этой войны туземное его населеніе было совершенно изъято отъ несенія воинской повинности: одни только тэкинскіе туркмены служили въ конныхъ сотняхъ своей милиціи — Туркменскаго дивизіона, гдѣ часть офицеровъ была тоже изъ мѣстныхъ тэкинскихъ хановъ.

Въ теченіе настоящей войны были призваны на военную службу киргизы (и, кажется, и на работы тоже). Теперь призывалось на военныя работы населеніе такихъ областей Туркестана, которыя до сихъ поръ не были тронуты этого рода повинностями.

Проведеніе этой мѣры совпало съ назначеніемъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войскамъ туркестанскаго военнаго округа — генерала Куропаткина, который (послѣ продолжительнаго періода сажанія капусты въ псковскихъ бородкахъ), былъ наконецъ, вновь призванъ въ ряды дѣйствующей арміи — сперва какъ командиръ Гренадерскаго корпуса, а затѣмъ—командующій арміями сѣвернаго фронта.

Однимъ изъ первыхъ актовъ новаго генер.-губернатора было увольненіе, приказомъ по войскамъ края, ген.-лейт. Гиппіуса—военнаго губернатора Ферганской области, за „неправильное толкованіе населенію области высочайшаго распоряженія о призывѣ на военныя работы:“ грберноторъ, молъ, объявилъ, что на

ПЕТРОГРАДСКІЙ ЖУРНАЛЪ О ТЕОРІЯХЪ ПОТРЕСОВА - ПЛЕХАНОВА

Заимствуемъ изъ уже цитированнаго нами журнала „Рабочія Вѣдомости“ слѣдующія строки:

„Миръ нарушенъ, — говоритъ Потресовъ, — Интернаціоналъ въ развалинахъ. Сейчасъ воюютъ не только правительства, сейчасъ — не за страхъ, а за совѣсть — воюютъ и народы, и трудящійся народъ въ томъ числѣ, и даже въ первую голову“... „Кто же прервалъ этотъ миръ рабочихъ людей, разбилъ ихъ единство“. „Ходъ событій — продолжаетъ авторъ — даетъ вразумительно-ясный, не подлежащій сомнѣнію отвѣтъ: идея отечества“. Когда-то — объясняетъ Потресовъ — Марксъ могъ въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества, и что, кромѣ цѣпей, ему терять нечего. Съ тѣхъ поръ Западно-Европейское развитіе привело повсемѣстно къ тому результату, что пролетаріатъ имѣетъ, что терять и даже очень большое — свой накопленный имъ въ границахъ отечества, а потому индивидуально, то есть національно-окрашенный, капиталъ труда и борьбы“...

„Такъ, въ извѣстномъ смыслѣ оправдывая для прошлаго основательность марксистской теоріи, въ настоящее время Потресовъ идетъ къ ея преодолѣнію. Но поскольку онъ продолжаетъ оставаться „въ тискахъ своего прошлаго“, постольку онъ стремится сохранить свою „марксистообразность“, постольку въ статьѣ его начинаются противорѣчія. Если-бы авторъ, не страшась признать всѣ старыя ошибки и заблужденія, смѣло отрѣшился отъ марксистскаго метода, то никто бы ему этихъ противорѣчій въ вину не поставилъ... „Однако, — продолжаетъ журналъ — какъ бы выпутываясь изъ противорѣчій, постепенно, но вѣрно, авторъ идетъ къ преодолѣнію марксистскаго метода. Дѣйствительно. Вдумаемся въ его разсужденія. Въ силѣ патріотизма, въ силѣ „идеи отечества“, — вотъ гдѣ, по объясненію автора, нужно искать причину тому, что „прервана миръ рабочихъ людей, что разбито ихъ единство“. Само — по себѣ это понятно вполнѣ и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ идеалистическимъ пониманіемъ исторіи. Но немного дальше авторъ снова сбивается на скользкій для него марксистообразный методъ. Онъ хочетъ опредѣлить патріотизмъ, какъ „возросшее сцѣпленіе частей внутри національно-государственнаго цѣлаго“, въ результатѣ процесса „превращенія обывателей въ гражданъ“, въ результатѣ образованія „системы пріобрѣтенныхъ правъ“ и „развившейся до гигантскихъ размѣровъ общественности“. Здѣсь авторъ какъ бы на моментъ возвращается въ лоно старой марксистской теоріи классовой борьбы, и здѣсь-же, можно сказать, на ходу, ловитъ его одинъ критикъ въ противорѣчіи. Вѣдь, по его теоріи выходитъ, — замѣчаетъ Н. Сухановъ, — что гдѣ нѣтъ завоеваній, правъ, общественности, самодѣятельности, тамъ нѣтъ и патріотизма. А если такъ, то тамъ нѣтъ и войны, исходящей отъ идеи отечества“. И если допустить, — говоритъ этотъ критикъ, — возможность этого въ одномъ мѣстѣ, то отчего не допустить возможности того же въ другомъ. И вся теорія рушится. А если-бы даже они и не рухнула — продолжаетъ онъ — то какой практическій смыслъ она... при такихъ условіяхъ можетъ имѣть для насъ. Какой смыслъ имѣютъ упреки Потресова, что мы со своей стороны еще не дошли и до черты патріотизма, какъ массового общественнаго явленія, какъ активнаго гражданскаго чувства“.

Противорѣчіе какъ будто очевидное. Зададимся-же вопросомъ — почему самъ Потресовъ не ощущаетъ этого противорѣчія. По той простой причинѣ, что онъ, все еще продолжая путаться въ сѣтяхъ стараго метода, интуитивно уже преодолѣваетъ его. Если съ точки зрѣнія марксизма, по которому сознаніе опредѣляется бытіемъ, здѣсь противорѣчіе несомнѣнное, то съ точки зрѣнія идеалистическаго пониманія исторіи здѣсь никакого противорѣчія нѣтъ. И въ другомъ мѣстѣ, уже болѣе послѣдовательно, опредѣляетъ Потресовъ патріотизмъ, какъ „активную любовь къ своему національно-государственному цѣлому“. Въ январьской книжкѣ „Русской Мысли“ Д. Муретовъ еще лучше поясняетъ эту мысль: „любовь къ своему народу не подлежитъ этической мѣркѣ, потому что — любовь слѣпая, идущая выше разума, выше справедливости“. Здѣсь Потресовъ, правда, не достигаетъ еще той степени заборонированности отъ всякихъ логическихъ подходовъ, какая имѣется уже у Плеханова, выдвинувшаго кантовское орудіе категорическаго императива. Но во всякомъ случаѣ это большой шагъ впередъ по пути къ ирраціональному. Во всякомъ случаѣ это избавляетъ автора отъ суетныхъ умствованій и измышленія разнаго рода доказательствъ и создаетъ большой просторъ непосредственному чувству въ дѣлахъ новой вѣры, какъ всякая вѣра, должна быть, по опредѣленію апостола Павла, „увѣренностью въ невидимомъ какъ-бы въ видимомъ“.

Повсемѣстно въ Европѣ создается новая своеобразная національно-рабочая идеологія. Россія не отстаетъ отъ передовыхъ странъ запада. Въ статьяхъ Потресова закладывается прочный фундаментъ ея“.